

Вечная молодость

12+

Анастасия Ток

Анастасия Ток
Вечная молодость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65912775

SelfPub; 2021

Аннотация

Несколько дней из жизни свердловских ребят, увлеченных музыкой, винилом и рок-н-роллом.

Содержание

Потерянный космонавт	4
Потерянный в Свердловске	7
Комната Леры	13
Комната Карла	20
Комната Анны	25
Репетиция	29
На остановке	34

Анастасия Ток

Вечная молодость

Потерянный космонавт

Бледное лунное сияние и болезненно-яркий свет огней на взлетной полосе. Пассажиры внутри салона самолета приближались к луне и удалялись от земли. Среди них был Карл, который только что сбежал из дома, а теперь во всех смыслах летел прочь от родителей, одноклассников, проблем... С собой у него лишь небольшой скомканный второпях ворох сменной одежды, перезаписанные с лицензионных дисков кассеты с музыкой и лучшая подруга – электрическая гитара. Все равно, куда летит самолет, лишь бы подальше от дома... Ночной рейс уносил его прочь. Подросток боялся оглянуться назад. Ему казалось, что тогда он увидит пугающие яростные красные отсветы сжигаемых им мостов. Сердце стучало быстрее, чем обычно, а живот неприятно скручивало от страха. Тревога собиралась где-то глубоко внутри, а потом подкатывала комом к горлу. Карла тошнило от ужаса своего отчаянного поступка. Отвернувшись от окна, в котором стало совсем темно, беглец взглянул на светящийся в салоне дисплей. Так куда он вообще летит? Свердловск? Ну, пусть будет так. Ничего не изменится, если там окажется Ро-

стов-на-Дону или даже Париж... Карл смотрел вокруг себя растерянным взглядом чужестранца, пришедшего из другого мира – мира подростковых страхов и проблем. Гитарист чувствовал себя параноиком, что вздрагивает от любого шороха, а в каждом прохожем видит полицейского, или, что хуже – родителей. «Меня зовут Карл, мне 16 лет, я сбежал из дома, и мне срочно нужно убраться из города», – повторял он про себя, чтобы не обезуметь от страха и не потерять связь с реальностью. Ночные огни стали расплываться и таять, а стюардесса радостно объявила, что время полета до пункта назначения составит два часа. Карл вспомнил плакаты с космонавтами из американских комиксов, висевшие на стене в его комнате. В детстве мальчик с большим увлечением собирал все, что так или иначе связано с космосом и межгалактическими войнами. Сейчас он почувствовал себя игрушечным космонавтом из своей коллекции. Будто летит в ракете, устремившейся острой пикой в бесконечность Вселенной. Однажды прилетел на Землю со своей космической базы как исследователь – изучать жизнь разумных инопланетян. Но ракета сломалась, экспедиция затянулась, и теперь Карл вынужден жить среди чужих, разговаривать на незнакомом языке и есть противную ему инопланетную пищу. Но, может быть, все совсем не так, а правда в том, что все вокруг космонавты, а он один – инопланетянин?.. Пришелец, который удачно маскируется под землянина, но в душе постоянно чувствует себя чужим: всем поодиночке и каждому сразу?

С этими мыслями гитарист уснул, а когда он проснулся, то за круглым окном самолета уже виднелся аэропорт Свердловска.

Потерянный в Свердловске

Суэта аэропорта осталась позади. Карла буквально вынесло оттуда живой волной, быстрым течением толпы. Он растерянно оглядывал снующих туда-сюда прохожих. Кто-то спешно несся из стеклянных дверей аэропорта дальше, пытаясь как можно скорее поймать свободное такси, да подешевле. Кто-то надолго застрял в телефонной будке, пытаясь докричаться до абонента на другом конце провода. К аппарату собралась очередь, люди нетерпеливо стучали по прозрачной будке, недовольно ворчали. А Карлу и позвонить-то некому, и спешить совершенно некуда. Не забережься же к телефону и не станешь набирать маме, радостным тоном заявляя: «Доброе утро, мамуль! А я тут сбежал из дома, если ты не заметила! Сейчас пришло координаты!». Цель достигнута, он вырвался на свободу, но что делать дальше? А дальше парень просто боялся думать... В его планах было сбежать из дома, заставить родителей тревожиться, друзей скучать, а обидчиков сожалеть. Представляя суету вокруг его исчезновения, хотелось злорадно и торжествующе улыбаться. Подросток порылся в кармане зимнего пальто. Он достал зажигалку и, укрывая ладонью пламя от ветра, зажег сигарету. Возможно, табак его взбодрит. Он плохо спал в салоне самолета из-за нервов и смутной тревоги. Сейчас же на стресс даже не оставалось сил. Карл выпус-

кал серые клубы дыма и растерянно осматривался вокруг себя. Такие странные люди... Ни одного знакомого лица или того, кто бы внушал доверие... Отщепенец... Снова... Потерянный космонавт приземлился на новую для себя планету. Хоть у паренька и было какое-то свое юношеское обаяние, немногие хотели бы связываться с несовершеннолетним, чей внешний вид наводит на подозрительные мысли. Немытые длинные волосы, огромные потертости и дырки на джинсах, темное зимнее пальто с вышитой вручную красными нитками надписью «неудачник» и разводы туши под глазами явно не создают впечатление прилежного покладистого мальчика, с которым никогда не случается странных историй. «Покурю, а потом буду соображать!» – решил подросток с очередной затяжкой. Когда он курил, то чувствовал себя увереннее, ведь это выглядело в его глазах так «по-взрослому». Он и у себя дома часто молча стоял у подъезда, любясь серым сигаретным дымом, тающим в воздухе, а в наушниках орал чей-то чужой истошный вопль панк-рока, постепенно переходящий в его собственный крик. "Да какого же черта происходит?!" – осознание всей абсурдности жизни накрывало волной и сбивало с ног. От ужаса хотелось плакать, но... еще одна затяжка горьким дымом, приятное жжение в горле – и в голове появляется приятная ватная бестолковость, тревога затихает...

В толпе рабочих, спешащих по делам, он увидел девушку с нарисованными маркерами на лице звездами. На ней была

яркая дутая куртка, из-под которой выглядывала теплая юбка. На шее у нее намотан ярко-желтый шарф. Каждый элемент гардероба выхвачен из разных стилей, словно незнакомка собиралась впопыхах, наугад выхватывая из шкафа одежду. Яркий внешний вид привлекал внимание. Из-под вязаной шапки выглядывали блондинистые волосы. Похоже, девушка высветляла их сама, потому что выглядела ее прическа немного небрежно. Она суетливо бегала взад-вперед, кого-то высматривая в толпе. Наконец к ней подошел человек, по-заговорщически таинственно передал темный пакет и ушел. Карл смотрел на эту загадочную сцену с большим интересом. Незнакомка заметила его пристальный взгляд, недовольно нахмурилась и пошла в его сторону. «О, только не это!». Поначалу хотелось бежать, но это выглядело бы подозрительно, даже до смешного глупо. Заволновавшись, Карл все же продолжал стоять на месте, нервно сжимая в тонких пальцах сигарету, испуганно глядя на девушку.

– Если ты думаешь, что это что-то запрещенное – ошибаешься! – строго сказала незнакомка, подойдя к нему. Она быстро достала из пакета виниловую пластинку со стикером на английском языке на целлофановой обертке. – Вот! Из Нью-Йорка сегодня «Битлов» привезли! Три месяца на нее копила с подругой. Ей сегодня тоже должны доставить... – Взгляд девушки стал менее строгим, она с любовью провела рукой в бардовой перчатке по пластинке.

– Ясно... – растерянно ответил Карл. – мне в детстве нра-

вилась их музыка. Особенно...М-м-м... «Все что тебе нужно – любовь», так?

Паренек сложил пальцы буквой v – жест пацифистов – и скромно улыбнулся.

– Чего без перчаток? – спросила девушка, глядя на его обветренную покрасневшую на холоде кожу.

– Да так... Как-то... так...

– Я Лера, кстати, – наконец представилась девушка и дружелюбно улыбнулась.

– М? А, хорошо. Я Карл...

Он выставил вперед озябшую руку. Лера приветливо пожала ее, согрев теплом своей перчатки. Она улыбнулась и с каким-то вопросом во взгляде посмотрела на нового знакомого. Откуда он вообще здесь? И зачем? С гитарой за плечами, с сигаретой, хотя курить ему еще, кажется, рановато, со странными разводами туши на лице... Что-то в нем такое было, что Лера чувствовала – этот человек такой же меломан не от мира сего, как и она.

– У тебя все нормально, Карл? – участливо спросила она. – Выглядишь таким... растерянным?..

Помощь ему была ужас как нужна. Но дело в том, что помощь эта касалась буквально всего. Карл медлил с ответом и начал заметно нервничать. Он кинул недокуренную сигарету в урну рядом с собой, нервозно затеребил крупную пуговицу пальто. Сказать истинную причину своего визита в город парень не решался. Да, так хотелось верить, что все они

братья и сёстры друг другу, но реальность сильно отличалась от утопических пацифистских воззрений. Даже если девушка действует сейчас из добрых побуждений, что мешает ей потом из таких же благородных принципов побежать в милицию, доложить участковому о подозрительном подростке, сбежавшем из дома? Карл помолчал еще немного, пока не решился рассказать придуманную на ходу историю.

– М-м-м... Дело в том, что я музыкант... Мы летели с нашей группой на гастроли в другой город. Но я идиот по жизни, перепутал рейсы и улетел не туда... Собственно... Догадываешься, что я сейчас чувствую? Незнакомый город, негде жить, всё чужое и все чужие... Отвратительно...

Лера недоверчиво нахмурилась. «С группой? На гастроли? В каком состоянии нужно быть, чтобы улететь не тем рейсом? А билеты перед посадкой не проверяют? Туманная история...» Вслух она свои сомнения не озвучила, лишь слабо улыбнулась, кивнув головой.

– Да уж, не позавидуешь... Но за тобой, наверное, приедет эта твоя группа? Или как? – Лера с трудом сдерживала смех. Настолько забавной была эта история.

– Приедут после тура. Отыгрывать концерт им придется без меня, – спешно ответил Карл, смущенно посмотрев в сторону, чтобы хотя бы в глаза не врать.

– Ох, ну надо же! Вот не повезло! Гитариста потерять! – полушутливым тоном сказала Лера.

Сбежавший посмотрел на свою гитару за спиной.

– Да, я гитарист, – согласно кивнул он.

– Уж вижу... – Лера задумалась, а потом ее глаза блеснули интересом. – Карл, я на барабанах лупить умею, а подруга моя на басу играет. Может, пока ты здесь, поможешь нам записать альбом? Пожааалуйста! А я помогу тебе снять приличное жилье. Ну, нам очень нужен гитарист! В музыке ты, кажется, разбираешься... – Лера бегло посмотрела на пакет с виниловой пластинкой.

– Я психоделик-рок люблю, – растерянно признался Карл. Лучше согласиться, пока у него есть такая возможность. Тем более, что ему самому было бы интересно поучаствовать в записи альбома. Он начал замерзать и, перепрыгивая с ноги на ногу, паренек кивнул. – Думаю, можно попробовать...

Лера радостно улыбнулась и похлопала его по плечу.

– Отлично! Вовремя ты свой рейс прозевал! Ну, ладно, пошли, я покажу недорогую квартиру, которую можно дешево снять и... – девушка хлопнула себя по голове. – Боже, Карл! У меня же работа! Сколько времени? Я опаздываю!

Лера суетливо начала осматриваться, потом схватила Карла за руку и потащила за собой.

– Посидишь у меня, позже разберемся. Боже, не хватало еще место потерять! Ужас...

Комната Леры

Лера еще не успела снять тяжелые зимние сапоги и отставить их в угол, как с кухни донесся мамин голос:

– Ты пришла? Сходи за хлебом, я не успеваю.

Кому-то покажется довольно жестоким, что мать даже не встречает дочь, не спрашивает, как у нее дела, а быстро отправляет назад за дверь в магазин. Но Лера знала, что мама любит ее. Когда она была маленькой, мама – Александра Николаевна – делала все, чтобы дочь была одета, обута, сыта и получила приличное образование. У Леры не было душевных разговоров на кухне с мамой, но всегда была приличная одежда и все необходимые школьные принадлежности. Александра Николаевна работала в нескольких местах сразу и брала заказы на пошив одежды, чтобы дочь не выглядела в классе хуже или беднее остальных. Она жертвовала духовным ради материального, действуя практично. И в этом была ее любовь. Лера без лишних усталых вздохов и возражений закрыла за собой дверь, возвращаясь на улицу. Она привыкла к поручениям. Знала: мать всегда ее ждет не дождется, потому что сама уже на последнем издыхании и делать все в одиночку нет сил. Девушка разрывалась между друзьями и семьёй. Нужно было быть хорошей барабанщицей, подружкой, дочерью, сестрой... И при этом успевать зарабатывать...

Лера протянула маме свежую буханку ароматного белого

хлеба с хрустящей корочкой. Целлофановый пакет запотел на морозе, а в домашнем тепле на нем выступили блестящие прозрачные капли влаги.

– Не голодная? – спросила мать, сразу же начав резать бутерброды к ужину. Вот она – мамина любовь. Ей некогда расспрашивать, как прошел день у старшей дочери, но она должна быть уверена, что та сыта.

– Нет. Поела, – ответила Лера. Она старалась не есть дома. Знала, сколько сил и времени уходит у мамы на готовку. Пусть Лерина порция достанется младшим, а старшая обойдётся пирожком из привокзального киоска.

Убедившись, что у дочки все нормально, мама, быстро убрав упавшую на глаза прядку, дала новое задание:

– Проверь домашку у Кати. Она ныла, что у нее математика не получается. Какая-то задачка про конфеты.

– Я плохо считаю... Особенно конфеты... Мне их сразу хочется съесть, – пошутила Лера.

Мама грустно улыбнулась. Времени на шутки у нее не было. С одной стороны, она была бы рада отложить кухонный нож, сесть напротив Леры и поговорить с ней о всяких мелочах жизни, посмеяться... С другой, если она сейчас не приготовит бутерброды, то ужин задержится, дети будут недовольны, начнут капризничать – на то, чтобы их успокоить, уйдет драгоценное время. Тогда Александра Николаевна не успеет дошить платье для заказчицы и потеряет в деньгах.

Лера ушла в комнату сестры, раскладывая на столе млад-

шей счетные палочки и тетрадки с учебниками. Мама хлопотала на кухне. Кто-то с лестничной площадки открывал входную дверь. В комнату зашла девушка с яркими крашеными волосами и круглыми запотевшими очками. Это подруга детства и гитаристка – Аня. Она видела квартиру в мутной дымке из-за запотевших на холоде стекол. Но и после того, как музыкант протерла линзы, туман не исчез. Это из-за густого ароматного кухонного пара от бурлящих кастрюль с обедом на завтра.

– Здравствуйте, Александра Николаевна, – громко поздоровалась девушка. Она привыкла, что в этом доме не принято встречать гостей, а чтобы отвлечь кого-то от суеты и дел – нужно с шумом заявить о себе.

– Лера занимается с Катей, – помешивая суп, ответила с кухни женщина. Сквозь эти слова просвечивал намек на то, что Лера занята и Ане было бы неплохо уйти и зайти позже.

Но гитаристка лишь пожалала плечами, по-хозяйски пройдя в комнату. Она сняла себя теплую верхнюю одежду и осталась в темно-синем пиджаке, накинутом на свободное платье в горошек. Она единственный ребенок в семье, у ее родителей есть возможность баловать дочь нарядами. Не так давно девушка нашла работу – продавщица музыкальных инструментов в подвальном помещении. Там она познакомилась с весьма полезными людьми, с помощью которых можно доставать редкие импортные пластинки. Лера и Анна крепко дружили с детства: ходили в один класс, делали друг у дру-

га уроки и обедали на лестничной площадке, поставив тарелки с супом на засыпанный пеплом подоконник. Вместе они и научились играть: одна выбрала барабаны, другая – акустическую гитару. Аня знала эту квартиру ничуть не хуже собственной. Катя мигом отвлеклась от тетради с уроками, услышав чей-то новый голос. Девочке нравилось, когда к ним домой заходили Лерины друзья – яркие и необычные личности. Она с любопытством смотрела на странную и необычную прическу на голове вошедшей гостьи. Хотелось потрогать остроконечные разноцветные пики, покрытые липким лаком. Но она знала – нельзя. Лера будет ругаться и тогда уже не поможет с решением задачи. Катя притихла, не отрывая взгляда от необычной внешности музыкантки.

– Ты чего? – не слишком дружелюбно спросила Лера.

– А вот что, – довольно улыбаясь, Аня протянула новенькую виниловую пластинку. – Не могла ждать до завтра.

– Да ладно?! Они все-таки привезли ее?! И даже не разбили! – оживилась подруга. Ее глаза заблестели искорками восторга.

Лера понюхала запечатанную в яркую картонную обложку пластинку. Пахло бумагой, морозом за окном, винилом. И заграницей... Отечественные не пахли так, как эта. Лера зажмурилась от удовольствия. Она представила себе магазинчик, откуда привезли пластинку. Там много хорошей музыки, так много, что и за всю жизнь не переслушать. На сте-

нах висят плакаты с автографами известных музыкантов и дорогие гитары. Все говорят по-английски. Лера знала, что она скажет, когда попадет в такой магазин: "Give me one vinyl record of "The Beatles», please!". Кажется, она даже шёпотом произнесла это вслух, ненароком замечтавшись.

– Может, подождем до завтра? – спросила девушка, посмотрев в сторону Кати с открытой тетрадкой и недописанной задачей.

– Лера! Какое завтра! Мы ждали эту пластинку месяц! – возмутилась Аня.

– Так еще один день подождем! У меня Катя...и математика. А мама?!

– Что мама? Когда-то и она была битником... – хитро улыбнулась Анна.

Катя внимательно смотрела на девушку со смешной прической. Какое странное слово она сказала...Битник...Тот, кто бьет?

– Ты хочешь включить сейчас музыку? – спросила Александра Николаевна, увидев, как Анна распаковывает круглый диск виниловой пластинки, а Лера выдвигает проигрыватель.

– Да... – тихо сказала старшая дочь, виновато склонив голову.

– Ты подумала про Катю, Машу и Наташу? Ты можешь не спать столько, сколько хочешь, но подумай про сестер. Им завтра в школу. Нет, в моем доме никаких вечеринок!

Лера задумчиво посмотрела на проигрыватель и Аню, которая капризно закатила глаза, услышав о запрете. Гитаристку прямо-таки разрывало желание послушать музыку здесь и сейчас. Если барабанщица не поддастся ее уговорам, то укров и нытья потом хватит надолго. Ох уж эти избалованные дети, которые уже даже и не дети вовсе. Вздохнув, Лера сказала ей:

– Хорошо, возьмем проигрыватель и поедем к Карлу. Мне все равно нужно его проведать.

– К какому еще... Карлу? – спросила подруга, недоумевая. Столько они общались и никогда ни о каком Карле не было и речи.

Тем временем барабанщица растеряно посмотрела на открытую тетрадь младшей сестры. Она не могла уйти, пока задача не будет решена.

– В первом действии сложи, а потом из получившегося числа отними, хорошо? – спешно сказала она Кате, неразборчиво написав что-то карандашом на полях.

– Карл... мальчишка... – рассеянно отвечала она, уже глядя на Аню. – Курил у аэропорта, случайно встретились. Будет... гитаристом. Познакомишься с коллегой по музыке.

Взяв новенькую пластинку в руки, она вышла в коридор и, снимая с вешалки теплое пальто, виновато посмотрела на мать. Да, сегодня из нее не вышло хорошей дочери, потому что сегодня она хорошая подруга. Лера догадывалась, что Катя опять засомневается в решении и пойдет с задачей к

маме. А она сама предательски уйдет и будет слушать импортную пластинку – развлекаться. Сегодня Аня с винилом настойчивее, чем Катя с задачами.

Лера превращалась в панкушку-подружку. Она вдевает в проколотое ухо стальную булавку, быстрыми движениями рисует черные жирные стрелки на глазах, вставляет в губу пирсинг, взъерошивает и без того разлохмаченные волосы. Девушка надевает на себя рваные колготки, клетчатую юбку и теплый свитер ярко-желтого цвета. На нем она сама написала красной гуашью для детского творчества: "The Beatles".

Комната Карла

Девушки стояли на лестничной площадке и настойчиво жали на кнопку звонка, ожидая, когда Карл откроет им дверь. Но по ту сторону двери было тихо.

– Возможно, ушел? – спросила Анна, держа в руках проигрыватель. Они везли его по переменно. – Может же человек уйти...

Лера сердито дернула ручку двери, и, как ни странно, она открылась сама собой...Музыкантши озадаченно переглянулись и наконец прошли внутрь. В комнате Карла было темно, как в погребке. Анна и Лера старались идти аккуратно, чтобы нечаянно не наступить на разбросанные по полу вещицы. А их здесь немало. Кукольные головы с пустыми стеклянными глазами, раскрытые пачки сигарет, фломастеры с резким запахом спирта, вырезки из журналов, кассеты, раскраски восточных мандол и рисунки. Много рисунков. Карл взял простую картонку и наклеил на нее размотанную пленку, которую вытащил из видеокассеты. Лента – спутанный клубок какого-то записанного фильма – местами провисала книзу. Вокруг он пальцем нарисовал неразборчивые красные агрессивные линии и подписал: "глисты". Сам юноша обездвижено лежал на полу. Он скрестил руки на электрогитаре, все еще подключенной к розетке. Карл был одет в рваные джинсы и полосатый растянутый свитер с прожжёнными

ми сигаретой дырками. На лице лежал неровно выдернутый тетрадный листок с надписью: "Я слишком много думал."

– Передоз? – с волнением в голосе спросила Лера.

– Не думаю, – с кривой усмешкой ответила Анна. – Просто спит.

Она поставила проигрыватель на пол и грубо толкнула разлегшегося гитариста мысом тяжелого сапога. Аня так и не сняла уличную обувь, пачкая темной таявшей грязью пол.

– Просыпаемся! – громко крикнула она и, скинув листок, поводила перед носом спящего виниловой новинкой.

Карл болезненно-красными глазами посмотрел на пластинку, и взгляд его прояснел. Он с неохотой встал и тяжело вздохнул. Музыкант поднял с пола подводку для глаз и нарисовал себе небрежные разводы под нижним веком.

– Я Анна, Анька, – неожиданно представилась девушка. – Тебя-то как звать, гитарист? – спросила Анна у своего нового коллеги по записи альбома.

– Карл.

– А-а-а-а! Тот самый, что у Клары кораллы украл, да?

– Глупая шутка. Придумай что-нибудь поинтереснее, – устало вздохнул он.

Юноша подошел к окну и отвлекся на фикус рядом с собой. Он взял пластиковую бутылку с водой из-под Соса-Сола и аккуратно полил сухую землю, заботливо поглаживая крупные зеленые листья.

– Смотри, на чеке доллары! – горделиво хвасталась Анна

перед Лерой, шурша мятой чековой лентой.

Карл подошел к подругам и с интересом начал разглядывать значок доллара рядом с цифрой.

– Бывает же! – с удивлением заметил он.

Гитарист поднял с пола маркер и написал на бумажке. "Прощайте, денежки!". Чек с надписью он неряшливо повесил на стену, закрепив листок на скотч, рядом с холстом "глисты".

– Хорошо смотрится! – одобрила Анна, гордо подняв большой палец вверх.

Она обратила внимание на внушительную стопку желтоватых листов, исписанных угловатым почерком.

– А это что? Не больно-то на аккорды похоже, гитарист, – с любопытством спросила Аня.

Он начал перебирать листы со страдальческой улыбкой.

– Это все мои анамнезы, истории болезни. Выписки, рецепты, диагнозы... Я забрал их из дома, чтобы делать коллажи.

– Ты что, больной? – грубовато спросила Аня, вопросительно подняв проколотую пирсингом бровь.

– Да, а по мне не видно? – с усмешкой отозвался Карл. Вид у него действительно изможденный. Красные глаза, спутанные длинные волосы, бледный цвет лица и стертые на струнах пальцы. – Мне кажется, что меня не существует. Есть только мои болезни. Эти анамнезы и выписки из больниц

– моя сущность. Я складываюсь из диагнозов: сколиоз, гастрит, депрессия... С детства у меня были проблемы со здоровьем. К тому же, у меня слабый иммунитет. И я никогда не мог почувствовать себя нормальным. Это грустно. Отвратительно даже.

Лера сочувственно вздохнула, а Аня насмешливо спросила:

– И поэтому ты убиваешь себя сигаретами еще больше?

Карл ничего не ответил, только принялся резать ножницами листы, аккуратно складывая фрагменты текста в отдельную стопку. Анна с какой-то насмешливой улыбкой смотрела на этого странного мальчишку. Нужно же было найти Лере самого что ни на есть чудаковатого гитариста... Она посмотрела на подругу и тихо шепнула ей, показывая на Карла:

– Ты чего, младшего брата теперь себе нашла? Это же... просто какой-то пришибленный подросток...

Лера пожала плечами:

– Ну, не знаю... Нам нужен гитарист. Ему нужна помощь. Почему бы и нет? – она улыбнулась и толкнула в плечо подругу. – Я люблю собирать вокруг себя чудиков.

– Я тут, , пока один был, записал звук... – начал Карл. Он взял в руки кассету.

– Не звук – sound! – резко поправила Аня.

– Хорошо-хорошо, я записал sound гудящей стиральной машины и вlepил перед гитарным соло.

Он вставил кассету в проигрыватель. Заиграла музыка, го-

лоса смолкли. Звуки были странными: тревожными, хриплыми, агрессивными, параноидальными... Лера с серьезным видом вслушивалась в запись, Анна перестала ухмыляться и задумчиво кивала в знак одобрения. Карл побаивался ее. Как только она пришла, он сразу понял, что это та самая подружка, которая играет на бас-гитаре. В отличие от милой и заботливой Леры эта девушка была куда более грубой, прямой и резкой. Гитарист не очень-то внимательно слушал свою запись, с любопытством разглядывая двух подружек перед собой. Интересные они все-таки... И теперь это, получается, его компания? Карл задумчиво задал риторический вопрос:

– Кто станет королем и королевой этих подростков-аутсайдеров?

Комната Анны

Анна зашла домой, громко бросив связку ключей на тумбу. Она вздохнула и заглянула на кухню, где горел тусклый свет настольной лампы. Родители сидели рядом друг с другом и что-то увлеченно записывали в толстые тетради, разложив на столе заумные схемы, алгебраические графики. Ее папа и мама – ученые. Физики-романтики, увлеченные идеями о космосе и вдохновленные полетом человека в бесконечность Вселенной.

– Привет... – растерянно поздоровалась с ними дочь, зажигая синий газовый цветок на плите и ставя на него чайник. Родители быстро махнули ей рукой и углубились в чертежи. Ничего другого Анна и не ожидала. Она открыла створки буфета, осматривая, что у них осталось из еды. Открытая пачка соленых крекеров, надорванный пакет с маковыми сушками и черствые крошки вокруг.

– Мам, почему ты не сказала, что у нас есть нечего? – разочарованно спросила голодная девушка.

– Извини, я думала, ты поешь у друзей или купишь себе что-нибудь по дороге, – ответила мама, наконец обернувшись в сторону дочери. Она быстро оглядела ее и без особого интереса, машинально спросила:

– Как дела в магазине?

– Я сегодня не работала, – с ноткой раздражения в голосе

ответила гитаристка.

– Что же ты тогда делала весь день? – с удивлением спросил отец, поправив очки.

– Получала пластинку. Общалась с друзьями... Готовимся завтра идти в ДК на репетицию... – голос Ани стал бодрее. Она села рядом с родителями за стол, отодвинула бумаги в сторону и с оживлением принялась рассказывать. – Лера нашла наконец гитариста. Правда, немного шизик какой-то, у него в квартире коллаж есть с глистами. Но на гитаре играть умеет, – Анна сняла свои круглые очки и, хитро улыбнувшись, посмотрела в глаза родителям. Она ожидала поздравлений с тем, что трио наконец собрано и можно начинать репетировать по-настоящему.

– Аскариды? Острицы? – спросила мама, тоже начав улыбаться.

Дочь лишь разочарованно стукнула ладонью по столу.

– Мам! Какие острицы?! Я говорю, что у нас завтра репетиция в ДК! Первая в жизни репетиция!

Папа озадаченно спросил:

– Это... хорошо?

Аня разочарованно махнула рукой и отвернулась в сторону окна. Там шел крупный декабрьский снег, белоснежными хлопьями укрывая все вокруг. Он не плавно сыпался с неба, а крутился бешеным вихрем, падая на землю быстро, нервно, злобно, словно стремился все утопить и удушить в своем покрывале цвета погребального савана. Анна налила в чаш-

ку черный индийский чай. На пачке был нарисован заморский погонщик верхом на слоне. Она кинула в чай пару кубиков сахара и ушла в свою комнату, захватив с собой пачку крекеров. Небольшая комнатка, где стоит кровать, тумбочка при ней, высокий шкаф с одеждой и проигрыватель, рядом с которым в кучу свалены пластинки. На окне лежит зажигалка и нераспакованная пачка новеньких сигарет, а рядом сложена аккуратная стопка из книг. Все они, в основном, научные: химия, астрономия, генетика, физика.... Дочь пыталась разделять интересы своих родителей, как и родители пытались смотреть музыкальные передачи по телевизору и слушать время от времени радио. Но у них плохо получалось понять друг друга. Если бы ее родители улетели в космос, то, пожалуй, ничего бы и не изменилось. Они и так жители разных планет, если не галактик. Анна понимала, что думать так нехорошо, но мама Леры – Александра Николаевна – нравилась ей, порой, больше собственной. Поэтому ей приятно бывать у подружки. Такая живая, заботливая, суеверная вокруг своих детей тетя Саша... Ни усталости, ни изможденности от домашних хлопот Аня, конечно, обычно не замечала или не хотела замечать. Когда-то на стене в комнате висел узорчатый турецкий ковер, за которым родителям пришлось выстаивать длинную очередь. Как только Аня повзрослела, она скинула вещь со стены и, даже не подозревая о ее значимости, отнесла на барахолку, где по незнанию продала довольно дешево. Родители были в ужасе, но для дочери было

важно, что этих денег ей хватает на большой плакат с группой Kiss. Она до сих пор не слышала ни одной их песни, но ей очень нравились эти смешно раскрашенные рок-н-рольщики, что с вызовом и дерзостью смотрели с напечатанного плаката. «Ты не могла найти ничего получше?» – разочарованно спросил у нее в тот день папа, с тоской глядя на этих странных, казалось бы, взрослых людей, что выглядят хуже ребенка, в чьи руки попал фломастер. Девушка села на край аккуратно заправленной кровати и начала жевать крекеры, запивая соленый вкус сладким черным чаем. Крошки и крупинки белой соли сыпались на пол, Аня болтала ногами в воздухе, разглядывая смешных Kiss.

Репетиция

На следующий день группа собралась на репетицию своего первого выступления, чтобы услышать, как может звучать их альбом вживую. Группу решили назвать в духе Ремарка – «Потерянное поколение». Среди сотни названий это было наименее противным и отражало бунтарский дух нигилизма с минимальной долей агрессии. Карл предлагал «Червячки внутри тебя», «Паразиты твоего сердца», а Аня была за «Яростную атаку» или «Удар под дых». Альбом состоял из перепевов, каверов, «Битлз», а также включал несколько песен собственного сочинения. Последние отличались тяжелым грязным звучанием и параноидально-тревожными стихами Карла. Слова в стихах не всегда рифмовались, но, как говорил сам автор, главное – это эмоция и общее впечатление. На что Аня отвечала, что от этих песен у нее складывается впечатление, как от операционных столов в больнице и стерильных бинтов, смоченных в спирте. Словом, дух болезни. Для Карла это был лучший комплимент и его восхваление нездорового мироощущения.

Музыканты пришли в один из свердловских ДК, где молодым исполнителям за небольшую плату давали возможность порепетировать, а потом и выступить. На сцене уже стояла барабанная установка, но один барабан уже пробит кем-то насквозь. Лера брезгливо сморщилась. Гитаристы пришли со

своими инструментами, Аня быстро поднялась на сцену, деловито осматривая усилители и аппаратуру. Карл взял с собой четки, он сел на край сцены и с задумчивым видом начал перебирать деревянные шарики, нанизанные на нитку, ожидая команды от старших. Взгляд у него был немного рассеянный, словно подросток до сих пор не понимал, как и почему он здесь оказался. Лера подняла с пола какой-то брезент, красный кусок плаката на первое мая, пытаясь заклеить им прореху на барабане. В этой пробитой черной бездонной дыре можно было увидеть отсветы и гром чьей-то бунтарской агрессии.

– Саунд-чек будет! Проверка звука то есть, – гордо сказала Аня, выглянув из-за большого динамика. Она многозначительно подняла палец вверх и важно поправила свои круглые очки. Сегодня руки девушки украшали браслеты с металлическими шипами и заклепками.

– Так-так... – раздался командный женский голос сзади.

Музыканты отвлеклись от своих дел. Голос принадлежал заведующей, которая регулировала все процессы, связанные с деятельностью Дома Культуры. Это была полноватая женщина средних лет, в очках, с небрежным пучком на голове, водолазке и черных брюках клеш. Она держала планшет с бумагами в руках и раздражающе шелкала ручкой.

– Панкушка-подружка, – сказала заведующая, посмотрев на приколотые к желтому свитеру Леры булавки.

Женщина перевела насмешливый взгляд на Карла с раз-

водами туши под глазами:

– Мальчик-депрессанчик.

Взглянув на круглую оправу Ани:

– И Джоанна Леннон.

Карл невозмутимо перебирал пальцами четки, грустно хмыкнув. Анна провела ладонью по своей «колючей» прическе и деловито заявила:

– Мы группа. «Потерянное поколение» называемся.

Заведующая что-то записала, отметила, еще раз посмотрела на юных музыкантов и с подозрением уставилась на Карла, указав на него ручкой.

– Сектант? – с недоверием спросила она, покосившись на четки.

Подросток растерянно осмотрелся, словно только что проснулся.

– М, что? Нет... Просто нравится буддизм, религия интересна и вообще... Я бы хотел научиться любить Бога...

Анна обеспокоенно затрясла его за плечо. «Тихо ты! Какой Бог?! Нас сейчас выгонят отсюда! Заткнись!» – зашипела она ему в ухо. Карл с некоторым вызовом посмотрел на гитаристку:

– А это уже насилие. Так... не по-христиански...

Лера спряталась за барабанную установку, снимая с себя ответственность за Карла. Молчал, молчал этот подросток из аэропорта, а теперь надумал говорить, когда его никто об этом не просил. В первый день их знакомства подозритель-

ный прохожий с хмурым видом пихнул в руки самиздатовские брошюры. Девушка даже не стала это читать – сразу выкинула в урну, а подростку, похоже, книжечка понравилась. Видимо, в этой искаженной библии он нашел какое-то свое особое утешение. Заведующая озадаченно посмотрела на «Потерянное поколение», что-то посмотрела в планшете и, наконец, сказала:

– Ладно... Я оставляю вас. Репетируйте, играйте... Аппаратуру не ломать, сцену не пачкать. Потом проверю, чтобы все было чисто, аккуратно, на двери при входе про штраф можете прочитать.

Женщина строго посмотрела на Леру и указала на нее шариковой ручкой:

– Восемнадцать лет есть?

– Есть, – испуганно ответила девушка.

– Вот и отлично. Тогда штраф платить сами будете.

С этими словами заведующая ушла. Аня сердито хмыкнула ей вслед.

– Штраф, штраф... Можно подумать, что мы вандалы!

– А я у себя дома граффити во дворах рисовал! – довольно сказал Карл. Он осуждающе посмотрел вслед заведующей и спрятал четки в карман. – Отвратительная...

– Сам-то не больно хорош, – ворчливо сказала Аня, настраивая гитару. – У нас за такие разговоры можно схлопотать.

Началось обсуждение и жаркие споры о том, что делать

со звуком дальше, как лучше наложить слова песни на музыку. Карл бойко выступал за «звуковой коллаж», в чьем хаосе бы смешались отдельные аккорды, слова и звуки. А Лера старалась убедить всех в необходимости более гармоничного и упорядоченного звучания, где за куплетом идет припев, а не какофония из рева электрогитары и визга стиральной машины. Анна в таких случаях всегда говорит одно: «Делаем так, как у «Битлз»». Спорить так можно весь вечер и ночи напролет.

На остановке

Какие они все-таки потерянные. Метель грозно свистела, гоняя крупный снег из стороны в сторону. Остановка едва ли укрывала от поднявшейся вьюги. Сквозь белую завесу снегопада с трудом можно было различить силуэты подростков. Карл сутулился, обнявшись с гитарой. Печальный, сосредоточенный на чём-то, пинал металлическую крышку под ногами. Он думал про свой зеленый фикус. "Точно закрыл окно? А то ведь его снегом заметет... Отвратительно... Интересно, а родители смотрят телевизор по вечерам без меня? Они ждут меня или рады, что я съехал с глаз их долой? Вдруг сейчас они слушают мои кассеты только потому, что их слушал я?". Лера весело подпрыгивала на месте, чтобы не замерзнуть. Она улыбалась. Просто привыкла к этому, потому что знала: никому не нравится смотреть на кислые мины. "Мама, наверное, волнуется за меня... Саунд-чек, саунд-чек! А сделала ли Катя уроки? Машу забрали из школы? Наташа наконец-то убралась в комнате или опять раскидала все по полу?". Аня держала за руку Леру и смотрела на метель. Снежинки поневоле попали в вихрь, а теперь не могли выбраться из него. "Хорошо вам там в Ливерпуле... Да, Джон? Снега, как у нас, нет. И автобусы по расписанию ходят. Но скучно же!». Каждый был в собственных переживаниях. Общей была лишь одна тема – музыка! Она не могла спасти

их души, но делала так, что становилось легче. Мелодии вышибали тревоги, не оставляя место ничему, кроме гитарных рифов. Сквозь белоснежную завесу блеснули рыжие фары и послышался глухое гудение мотора, хруст резины о снег.

– Автобус приехал, – сказал Карл.